

22 ноября исполняется 195 лет со дня рождения Владимира Ивановича ДАЛЯ.

Елизавета ВЕРТЮСОВА

В.И. Даль - известный создатель «Толкового словаря живого великорусского языка». Как писатель в своих произведениях неоднократно выражал отношение к народностям и языкам. В просветительских рассказах для малограмотных «Солдатские досуги» он описывал Россию: «В России более 60-ти губерний и областей, а иная губерния более целой немецкой или французской земли. Народу более всего русского, а есть, кроме того, много народов других, которые говорят не русским языком и исповедуют иную веру...» Он считал, что всякий народ, где «корень гнездится в земле Российской», имеет право считать всю Россию Отечеством и нерусский, живущий в России и почитающий ее Отечеством, есть полноправный и достойный гражданин страны.

«Я хотел научиться уважать и ценить человечество»

В. Даль (таким его увидели оренбуржцы в первый приезд).

Интересно, хотя не бесспорно, определение Даля принадлежности человека к нации. Он закончил Дерптский университет (практически, немецкий в русском государстве). Даже историю России там преподавал профессор из Германии на немецком языке. Даль был там своим - немцем и до конца жизни поддерживал отношения с университетом, посылая туда свои труды, написанные по-немецки. В конце жизни, после выхода словаря Даля, профессора из Дерпта задали ему вопрос: «Кто он: немец или русский? Он ответил: «... ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека - вот где надо искать принадлежность его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа - мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит...»

Владимир Иванович считал себя русским, поскольку думал по-русски, но был он выходцем из многонациональной семьи: отец его Иоганн Даль был датчанин, а мать Мария Фрейтаг из обрусевшей семьи петербургского чиновника, по отцу - немка, а по матери - француженка. Мать Даля, высокообразованная женщина, владела пятью языками, но с детьми говорила по-русски. Отец знал несколько живых и «мертвых» языков, чем и привлек внимание Екатерины II, пригласившей его на должность библиотекаря. Приняв русское подданство в зрелом возрасте, он детям говорил при каждом случае: «Мы - русские».

В.И. Даль унаследовал от родителей счастливого дар полиглота, но кроме языков, усвоенных в детстве, в течение жизни старался понимать языки народов, с которыми ему приходилось общаться. В своей первой повести «Цыганка» он написал, что «хотел научиться уважать и ценить человечество, а потому стремился узнать покороче цыганку...» И всю жизнь он стремился «узнать покороче» кого-нибудь: будь то русский мужик, уральский казак, башкир или казак. И этому стремлению помогали смена деятельности и переезды. Почти восемь лет провел В.И. Даль в Оренбуржье, где служил чиновником особых поручений при военном губернаторе. По заданию губернатора ему приходилось бывать в разных концах обширнейшей «концесветной» губернии.

Уже в год приезда в 1833 г. он дважды побывал в Уральском войске. В результате его знакомства с положением уральских казаков появилась записка для губернатора, с которой впоследствии познакомили казаков. Некоторые из них плакали от радости, что так хорошо известны обстоятельства их жизни. В 1834 г. Даль получил задание от Перовского описать Башкирию. В описании он не только рассказал о землях, лесах и реках, но и о состоянии народа, периодически поднимавшего восстания. Он объяснял, что уже первые восстания в начале XVIII века были вызваны злоупотреблениями государственных чиновников. Много беспокойства доставляла губернатору зауральная степь. «Сухим морем» называл Даль степь и любил не торопясь ездить по ней, слушая песню сопровождавшего его казака.

Неоднократно приходилось ему разрешать

конфликты, грозившие перейти в кровопролитные стычки. Его прозвали «справедливым Далем». В результате командировок по губернии появлялись не только служебные записки. Даль написал научный труд о Башкирии на немецком языке и отправил его в Дерпт. Появлялись и литературные произведения. На оренбургских материалах написаны «Уральский казак», «Башкирская русалка», «Бикей и Мауляна», «Майна» и другие повести.

«УРАЛЬСКИЙ КАЗАК» - описание своеобразного этноса - уральского казачества, закаленного в трудных условиях жизни. Уральский казак Проклятов - герой повести «Уральский казак» наворачивает и в тридцать градусов мороза на ноги для легкости по одной портянке, надевает в зимние степные походы кожаные либо холщовые шаровары... Мороза он не боится, потому что мороз крепит; да и овод, и муха, и комар не обижают его коня; жару не боится, потому что пар костей не ломит; воды, сырости, дождя не боится потому, как говорит, что сызмала в мокрой работе, по рыбному промыслу, что Урал - золотое дно, серебрена покрыва: это дар Божий, тот же хлеб... Борода ему дороже головы. Дома Проклятов не пел сроду песен, не сказывал сказок, не плясал, не скоморошничал; о трубке и говорить нечего: он дома ненавидел ее пущу водяного сверчка (рака - Е.В.) - да и не бывало ее тоже в заводе ни у кого в целом востоке... На походе Проклятов - первый песенник, первый плясун и балалайка явится на третьем переходе, словно из земли вырастет, - и явятся трубка и табак, а родители дома на досуге отмаливают и замаливают.

Особенно ярко проявилась закаленность казаков в неудачном Хивинском походе, из которого Даль писал друзьям: «Уральцы - молодцы; их суют всюду и они всюду успевают, и везде ими довольны... Уральцев выставили сюда поскребышей, без всякого разбора, старого и малого, потому что у них уже три полка ушли на службу... Нельзя не удивиться этой необыкновенной породе, которая вырастает среди тяжких трудов своего промысла и свыкается заранее с тугой, с голодом и холодом».

В «БАШКИРСКОЙ РУСАЛКЕ» - легенде о любви сына башкирского хана к русалке - Даль пишет: «Ученые бытописатели наши ищут в башкирах предков маджаров, нынешних венгров, сами башкиры говорят, что они происходят от ногаев или ногайцев, отделившись от них по усобицам. Иные помнят по преданию какое-то родство с бурятами; в сказках и песнях их поминуют родоначальниками дивного Чингис-хана, коего предок рожден девственницею от наития солнечного луча, а сам он, Чингис, вдовою Алангу, которую также посетил луч солнца и возвратился от нее серым волком с конскою гривой.

Народ разделился с незапамятных времен на племена или как их называют у нас на волости: у каждой волости свой уран, отклик, своя толпа, рукоприкладный знак, свое дерево и своя птица, розданные, как верит народ, самим Чингис-ханом. У кочевых башкир осталось еще много своих поверий и преданий: есть злой дух, дьопари (дев и пери), принимающий образ человека, кошки, собаки и особенно барса и тигра: иногда у него грива бывает золотая; знаменитейшие батыры башкирские прославились битвами с этим чудовищем, которое, нападая и защищаясь, и, особенно, похищая девок, перекидывается и принимает разные образы; если же дьопари является в образе человека, батыра, то может быть ранен, как Ахилл, только в пятку. Леса, горы, воды и пещеры населены лешими, водяными русалками, известными вообще под именем джина, духа».

«БИКЕЙ И МАУЛЯНА» - эпизод из реальной жизни казахов - о гибели двух любящих, выделявшихся своей красотой и умом. Погубила их зависть, подлость, предательство родственников. И опять сюжет обрывается подробным описанием племен и их взаимоотношений, отношения к русским, описанием природы.

Эти произведения привлекали внимание читающей публики к нашему краю и к их автору В.И. Далю. Повесть «Бикей и Мауляна» была переведена на французский язык и напечатана в Париже в 1845 г.

В 1837 году в Оренбурге был поэт В.А. Жуковский. Он попросил у Даля подобрать ему какой-нибудь восточный сюжет. После долгих сомнений и раздумий Даль отказал, объясняя: «... надобно дать рассказу цвет местности, надобно знать быт и жизнь народа, мелочные его отношения и обстоятельства, чтобы положить резкие тени и блески света; иначе труды ваши наполовину пропадут: поэму можно назвать башкирскою, казахстанскою, уральскою - но она конечно не будет ни то, ни другое, ни третье. А каким образом я могу передать все это на письме?..» Письмо раскрывает секреты творчества самого Даля, но не соответствует творчеству Жуковского. Очень жаль, что В.И. Даль не подобрал сюжет для баллады или поэмы Жуковскому - мы имели бы балладу Жуковского о нашем крае, неважно о каком народе она была бы.

В. Порудоминский, автор биографии В.И. Даля, вышедшей в серии «ЖЗЛ», пишет «в сочинениях Даля, литературных и ученых, посвященных Оренбургу и не посвященных имени ему, разбросано такое огромное количество сведений о крае, что получится весьма обширный Оренбургский справочник».

Но все же основная цель литературного творчества Даля, по его словам, была «знакомить русских с Русью». Будучи, по словам И.С. Тургенева, - зорким и памятливым очеркистом, много выдавшим и умевшим точно, правдиво и занимательно рассказать о том, что он видел, Даль в основном посвящал свое твор-

чество русскому народу, почитая народ за ядро и корень, а высшие сословия за цвет и плоть, по делу глядя». В своих очерках он описал почти все сословия русского народа. Он считал «между Ньютоном и дикарем» людемодом, который считает только до семи, вся разница, все различие в одном воспитании: обменяйте их в колыбели и один легко мог бы сделаться другим».

Но именно к Далю можно отнести слова его героя Савелия Грабе: «... деревни и села занимали его гораздо более, чем губернский город, которые осмотрены уже многими кругом и со всех сторон, между тем как то, за что взялся наш путник, были еще почти никем не початый, не тронутый родник...»

В.И. Даль любил Россию, это отмечали его современники. «К особенностям его любви к Руси, - писал Белинский, - принадлежит то, что он любит ее в корню, в самом русском основании ее, ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нами называемого крестьянином и мужиком, как хорошо он знает его натуру! Он умеет мыслить его головою, видеть его глазами, говорить его языком». Признавая народ за «ядро и корень», Даль пытается объяснить, как же произошло разделение русского народа: «Обширный, но еще довольно грубый и дикий народ со всеми добрыми и дурными свойствами природы, бодрый, с насущными нуждами, был внезапно вовлечен в новый для него мир, на уровне народов, выстрадавших себе усвоенный ими свой лад, из коих каждый перебрал наравнялся в этом новом для него строю, и поневоле выступил на поприще в одежде, перенял и принял вскоре тот же вид, осанку и выправку, перенял и затвердил все, что передать можно, но более этого он за один прием сделать не мог; пороки и недостатки быта устранились, духовный и нравственный быт его не переродился. Передовая часть народа, то есть та именно, которая выдвинута была в этот новый мир и новую жизнь, поневоле осталась до времени при одной внешности, подпольно обратившись в олицетворенную внешность, потому что всякая искаженная внешность есть представитель лжи. Эти то тысячи и были оценены здравым смыслом миллионов, не по внешности своей, а по сущности. Россия, верчивость разрознила два сословия, за свою историю пережила много переломных моментов. Один из них пришелся на последние годы жизни Даля - время после поражения России в Крымской войне при Александре II, Даль верный себе, пытается описать ситуацию, и его мысли, высказанные в статье «Отойдем да поглядим, хорошо ли мы сидим?», вполне можно отнести к нашему времени. «Мы издавна привыкли состоять всем миром под опекой, и предавшись ей, заблудились только о себе и о насущных своих потребностях. Каждый о себе, а Бог и Государь о всех. Ныне при необычных поворотах нашего управления по всем частям, с призывом всех сословий к общей гражданской деятельности, проснулось как будто на общее благо, что-то тревожное, не совсем ясное, иногда шумное, но вообще недовольное сознательное. В этом новом положении наперед опознавать, дойти с ними, добиться до ясных понятий, верного сознания своих надежд, забот, желаний и обязанностей, тогда только все главные силы наши могут устремиться на деятельную поддержку, сознаваемой нами цели. Не сомневаясь ясно, что я хочу и что должен сделать, чем могу достигнуть желаемого, я путем и толком трудиться не могу.

Доколе начальство и правительство делают все, а гражданин ничего, доколе он поневоле живет беззаботно: хорошо ему - слава Богу, худо - знать, надо терпеть. Но когда он сам призывается к делу, когда он почует в себе силу, и волю, тогда в нем просыпается ропот, не-та, тревога, в нем высказывается ропот, не-удовольствие, он ищет чего-то лучшего, но плохое он плачет, видя причину ему в своих обидах, а на себя не поглядит; он видит только обиду свою, а в корень и в причину ее не входит. И вот в чем весь вопрос, все дело: коли перед нами виноваты все, один перед другим, так не виноваты ли мы и сами?

Это, согласитесь, вопрос важный: я в других не волен, а в себе волен, сознавая за собою вину или обязанность, я могу исправить или исполнить ее и тем положить лепту, свою крупицу в общее достояние, а чем шире и глубже проникать будет сознание это в быту нашем, тем богаче станет наша духовная сокровищница, тем покойнее и правее потечет вся наша жизнь».